

«Дорогие, берегите себя...»

Эти слова гомельский подпольщик написал на окровавленном носовом платке, который чудом удалось передать на волю

Фашисты сровняли с землей его могилу, но годы не властны над подвигом и памятью. Когда в 1975 году в Комсомольском парке над Сожем возводили монумент гомельскому ополчению, на одной плите увековечили мужество 12 погибших при обороне города бойцов, на другой высечено имя Героя Советского Союза подпольщика Тимофея Бородина.

В 1964-м, за год до присвоения этого звания, в его честь переименовали улицу Седьмую. На доме, где Бородин родился и жил, уже давно мемориальная доска. Как и на здании «Полеспечати», где он трудился во время войны, используя свой легальный статус инженера-печатника, чтобы размножать сводки Совинформбюро, изготовлять пропуска и удостоверения личности, с которыми подпольщики могли передвигаться по городу. На городской Аллее Героев установлен памятный знак.

Весной 2022 года молодое поколение гомельчан изобразило Тимофея Бородина на огромном мурале в строящемся микрорайоне Мельников Луг, на улице, названной его именем. Двадцатиметровый красавец с автоматом за плечами – никак не подпольщик, а скорее солдат или партизан, – строго взирает на новоселов, словно призывая их не расслабляться, не терять бдительности. Ярко сияет гигантская, тщательно и с любовью начертанная Звезда Героя.

Почему именно Тимофей Бородин удостоился высшей награды? Что такого совершил этот скромный гомельский паренек, что уже через месяц после вступления в должность первый секретарь ЦК КПБ Петр Машеров ходатайствует о присвоении ему звания Героя Советского Союза?

В начале сороковых 24-летний мужчина обычно был прижне, детях. Тимофей с этим не торопился. Жил в большом родительском доме с сестрами, братьями, племянниками. Он родился 14 августа беспокойного 1917 года. Первые младенческие крики смешивались с гудками паровозов, которые, отдуваясь и кряхтя, проползали за окном. Поезда на запад надрывались под тяжестью военных грузов, на восток – под гнетом народного горя: раненые вперемешку с тифозными, беженцы и рабочие эвакуируемых производств. Сотни людей оседали на гомельском вокзале и в госпиталях. И без того перенаселенный город был уже не в силах всех прокормить. Голод, тиф, скарлатина, а вскорости и холера настигли Гомель...

В 1935 году Тимофей Бородин поступил в «институт пятигодичный в гор. Москве». Так записано в личном листке по учету партизанских кадров, составленном в 1946 году за подписью секретаря Гомельского горкома партии, начальника штаба соединения партизанских отрядов Гомельской области, Героя Советского Союза Емельяна Барыкина. В 1940 году Бородин институт окончил, но где именно учился, неизвестно.

– Мы снимали половину частного дома на улице Плеханова, – рассказывает гомельский историк Ростислав Тимофеенко, сын подпольщика,

Единственная
фотография
Тимофея
Бородин.
Конец 1930-х

сражавшегося плечом к плечу с Бородиным. – И Бородин на этой улице жил. Я его довольно часто видел, но он меня не замечал. Слишком большая разница в возрасте: я 1928 года рождения, он 1917-го.

Дом № 24 на улице Плеханова, где жила семья Тимофеенко, сохранился. Он находится всего в трехстах метрах от жилища Бородиных. Но как выглядел Тимофей в те годы, 95-летний Ростислав Романович не помнит. Зато 22 июня 1941 года встает перед его глазами, словно это было вчера.

– В тот день в библиотеке имени Герцена проходил литературный диспут по книге Ванды Василевской «Комната на чердаке», – рассказывает мой собеседник. – Домой добрался только в обед. Прихожу, а у нас дым коромыслом – железнодорожники кричат, перебивая друг друга. Только отец спокоен. Он преподавал в железнодорожном техникуме и был лектором политотдела Белорусской железной дороги. Знал международное положение, глубоко во всем разбирался. Спрашиваю: «Что случилось?» Он в ответ: «Война! С Германией». – «Да ну, чепуха: Красная армия через неделю будет в Берлине». Отец лишь горько усмехнулся: «Нет, сынок, это будет очень тяжелая война».

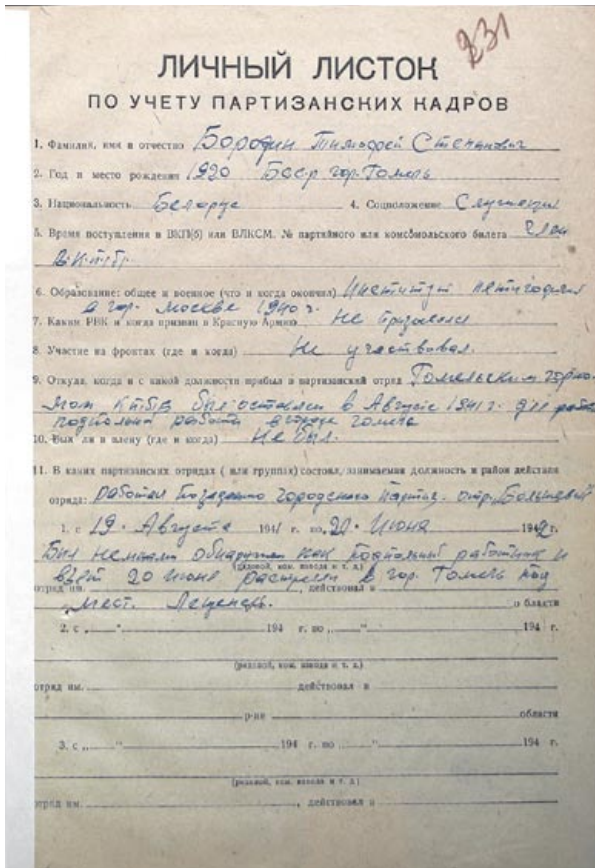
В Гомель эвакуировалось руководство БССР. В Доме политпросвещения 14 июля состоялось собрание областного городского партийного актива, на котором выступил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймон Пономаренко. Был создан Гомельский городской полк народного ополчения. Большинство из 2200 его бойцов полегло, защищая родной город. Против врага в рядах действующей армии сражались 70 % коммунистов Гомеля.

«Нет, сынок, это будет очень тяжелая война».

Тимофей Бородин ни в ополчении, ни в Красной армии не воевал. Как записано в уже упоминавшемся личном листке, «был оставлен в городе для подпольной работы». «Только по решению обкома КП(б)Б было подобрано, подготовлено и оставлено для подпольной работы 62 коммуниста Гомельской городской партийной организации, – говорится в секретной справке Гомельского горкома КПБ от 25 ноября 1971 года, хранящейся в Национальном архиве. – Партийные комитеты создали восемь баз оружия, продовольствия, медикаментов и одежды, подготовили 17 явочных квартир. Для ведения подпольной работы было организовано 22 подпольные группы. Кроме того, областное

Дом по адресу Плеханова, 46 в Гомеле, где родился и жил Тимофей Бородин

Личный листок по учету партизанских кадров Тимофея Бородина хранится в Национальном архиве Беларуси

управление НКВД создало 17 подпольных групп и резидентур. Часть будущих подпольщиков прошли подготовку на специальных курсах, созданных ЦК КП(б)Б в Ченках».

Обучался ли там Тимофей Бородин? Этого мы не знаем. Возможно, перед самой войной его направили в Брест на строительство укреплений и оттуда он вернулся домой то ли с беженцами, то ли с отступавшими войсками.

Фашистская бомбардировка Гомеля 15 августа 1941 года, как следует из секретного партийного документа, нанесла советскому подполью невосполнимый ущерб. Сгорели явочные квартиры, критически сократились запасы оружия, медикаментов и продовольствия. Погибли люди, подготовленные для конспиративной работы в городе. Дом Бородин

на не пострадал. Подпольщики стали его использовать для конспиративных встреч.

Захватив 19 августа город, немцы в тот же день издали распоряжение № 13. «Все лица обоего пола в возрасте от 16 лет и старше обязаны иметь удостоверение по установленной форме за подписями и печатями горуправления и немецкой комендатуры. Без удостоверения личности все задержанные в дороге, в лесу, в поле будут считаться партизанами и на месте расстреливаться», – говорилось в нем. За 27 месяцев оккупации в Гомеле нацисты истребили 50 тысяч мирных жителей и не менее 100 тысяч пленных красноармейцев. Об этом свидетельствуют архивные документы.

Гитлеровское командование придавало Гомелю особое значение, а потому, кроме восьмидесятичного военного гарнизона, буквально нафаршировала город охранными и контрразведывательными структурами: три абвергруппы, тайная полиция, СД, полевая жандармерия, военная комендатура. Фашисты словно ястребы кружили в поисках добычи. На каждые восемь жителей города приходился один вооруженный до зубов оккупант.

По поручению подпольного обкома партии Бородин сформировал оперативную группу. Поначалу она состояла из пяти человек. Среди них был и Роман Тимофеенко, отец Ростислава Романовича, кадровый железнодорожник с двумя «шпалами» на погонах, что приравнивалось к майору или даже подполковнику. Боевую закалку он получил на фронтах гражданской войны, в 1925-м по ленинскому призыву вступил в ВКП(б). Неудивительно, что его по решению горкома оставили работать в подполье.

– Отец дружил с секретарем горкома Барыкиным, и тот еще до оккупации города предложил ему «исключиться» из партии, чтобы войти в доверие к

Ростислав Романович Тимофеенко жил на одной улице с Тимофеем Бородиным с довоенных времен

Закадычныя друзья Роман Тимофеенко (слева) и Емельян Барыкин (в центре). Начало 1930-х годов

немцам, – рассказывает Ростислав Тимофеенко. – Мол, давай выгоним за то, что дед священник, и будешь ты обиженный на советскую власть.

Бородин же, наоборот, только в первые дни войны вступил в партию, но оба подпольщика сумели надежно легализоваться при немцах.

Роман Тимофеенко устроился помощником заведующего на угольном складе. Это позволяло подпольной группе широко применять так называемые угольные мины. Черные бесформенные куски тротила, которые выплавляли из артиллерийских снарядов, смешивали с хранящимся на складе топливом. Можно представить, что происходило, когда такой «уголек» попадал в топку немецкого паровоза.

Тимофей Бородин, работая начальником механических мастерских «Полеспечати», ночами умудрялся печатать листовки. Вскоре к нему примкнул слесарь комсомолец Лева Шулькин. Немцы не догадывались, что этот неприметный парень – еврей, а его родная сестра Роза – сотрудник особого отдела

Руководитель подпольного горкома КП(б)Б Емельян Барыкин поклялся до освобождения Гомеля не сбривать бороду. Начало 1940-х годов

Гомельского подпольного обкома КП(б)Б. Парень поддерживал связь с партизанами, получал от них сводки Совинформбюро. Отряд «Большевик» базировался в Щекотовском лесном массиве, в 14 километрах южнее города. Здесь с начала войны находились партийные руководители области и города.

«Предложил ему „исключиться“ из партии, чтобы войти в доверие к немцам».

В первые недели оккупации в группу Бородина влились участник Великой Октябрьской революции пенсионер Трифон Михайлович Медведев и его дочь Валентина, а вскоре вышедшие из окружения офицеры Красной армии Иван Шилов, Никифор Железняков, Константин Пупынин, Григорий Гапеев. Никаких документов об их участии в Гомельском подполье, кроме упомянутой справки, не осталось. Можно предположить, что прежде всего именно Шилов стал надежной опорой для Тимофея Бородина.

– Он прекрасно знал немецкий язык, – рассказывает Ростислав Тимофеенко. – Попал в окружение под Барановичами и пришел в Гомель, где жил его дядя Сергей Ильич.

Впрочем, о Шилове и Гомельском подполье мой собеседник знает в основном с чужих слов да из публикаций в прессе.

– Мама хотела остаться в Гомеле и помогать отцу, – говорит Ростислав Романович. – Но Барыкин настоял, чтобы она, я и младший братишка немедленно эвакуировались из города: «Даю 24 часа и чтобы твоего духу не было в Гомеле. Не хочу, чтобы тебя и мальчишек повесили на столбах».

Семье Бородиных эвакуацию не предлагали, хотя сыну двадцатилетней сестры нашего героя не было еще и года. Так Антонина, младшая сестра Лида и мама Мария Александровна стали незаменимыми помощниками Тимофея в его борьбе с врагом. После войны мать героя наградили медалью «Партизану Отечественной войны». В наградном листе указано: «Бородина Мария Александровна является матерью Бородина Тимофея Степановича, который был оставлен Гомельским горкомом КП(б)Б для подпольной работы в тылу врага и в июне месяце 1942 г. немцами был задержан и расстрелян, сама Бородина М.А. для партизан чинила и шила новые фуфайки, брюки, майки, чинила обувь и т.д., помогала доставать продукты питания, боеприпасы, распространяла среди населения города советские и партизанские листовки и сводки Совинформбюро, а квартира Бородиной являлась постоянным сбором всех сведений для партизанских отрядов».

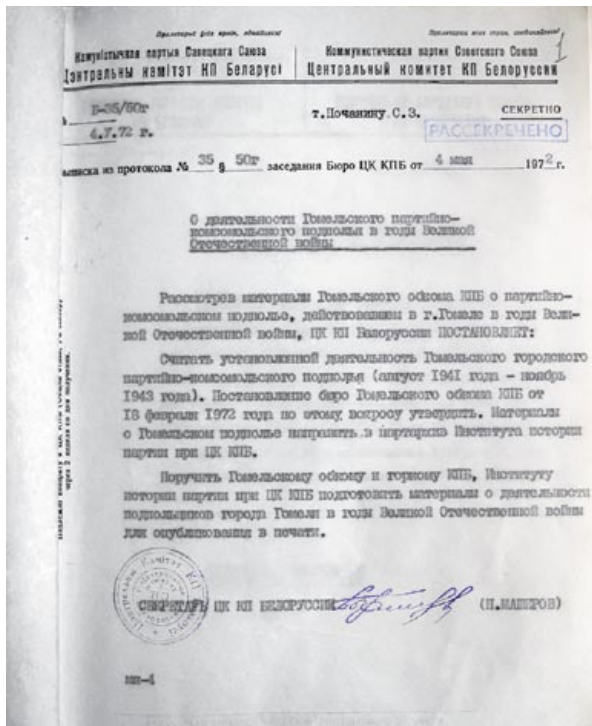
Уже в октябре сорок первого группе Бородина в Либавском городке (так неофициально назывались шесть барачков на Радькинской улице) удалось, сняв охрану и проникнув в помещение, взорвать мастерские по ремонту немецких танков. Таким же образом вскорости враг лишился склада горючего в Ново-Белице. Наблюдая за огромным пламенем в ночи, каждый из горожан понимал: наши не ушли, они здесь, борются, и значит, Победа обязательно наступит.

Руководил деятельностью группы Бородина подпольный горком партии. Тимофей регулярно навещался в Щекотовский лес, где базировался партизанский отряд «Большевик». Регулярно встречался с его командиром Ильей Федосеенко и секретарем горкома Емельяном Барыкиным. «Бородин доставлял для отряда сведения о расположении немцев и огневых точек в городе, собирал оружие и боеприпасы для партизан отряда, медикаменты и т.д. Непосредственно сам принимал участие в диверсионных группах, которые подрывали паровозы, блокпосты и т.д.», – читаем написанное почерком Барыкина в личном листке по учету партизанских кадров Бородина.

Задолго до рельсовой войны подпольщики организовали диверсии на Гомельском железнодоро-

Вырезка из газеты «Советская
Белоруссия» № 143 от 21 июня
1973 года

Выписка из протокола заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 4 мая 1972 года о деятельности Гомельского партийно-комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны

рожном узле. Это была зримая работа на Красную армию, на фронт, на Победу.

В честь высокопоставленного военного чиновника 4 ноября 1941 года в ресторане на Советской, 42 готовили банкет. Узнав об этом, Бородин вместе с Шиловым и Тимофеевко изготовили мину замедленного действия. Начиняли ее на кухне, боясь лишь, чтобы в дом не нагрянули гестаповцы. Уложив самодельное устройство в чемодан, переодетый в немецкую офицерскую форму Шилов, воспользовавшись суматохой, проскользнул в ресторан и задвинул смертоносный саквояж под столик. Ровно в 11 вечера, когда высокий гость произносил пространную речь, делясь впечатлениями о своих встречах с фюрером, сработал часовой механизм и прогремел взрыв. Более сотни офицеров вермахта во главе с приезжим генералом отправились к праотцам.

После этой диверсии гитлеровцы развернули на патриотов настоящую охоту. Находиться в городе и окрестностях стало очень опасно. Подпольный

горком партии и отряд «Большевик» спешно перебазировали в чечерские леса. Бородин со своими ребятами оставались в городе. Указания Барыкина получали через девушек-связных, которым приходилось преодолевать пешком более семидесяти километров в одну сторону по зимнему бездорожью.

«В ноябре 1941 года подпольный горком партии создаёт оперативный подпольный центр в Гомеле для координации деятельности подпольных групп, – значится в справке Гомельского горкома. – В его состав вошли Т.С. Бородин, Р.И. Тимофеевко, И.Б. Шилов. Подпольному центру были переданы ряд паролей и адреса явочных квартир».

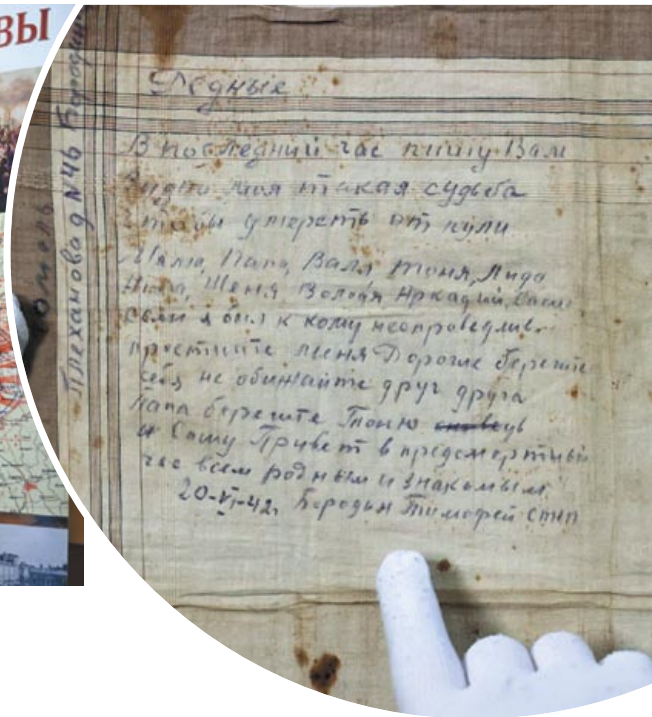
Некоторые историки еще с послевоенных времен утверждали, что такого центра не существовало. Тем не менее документы свидетельствуют об обратном. «Подпольный оперативный центр установил и наладил связи с подпольными группами, действующими в Гомеле: с группой, возглавляемой коммунистом В.И.Суховым (подшипниковый завод), Т.В.Блинковым, В.Т.Королёвым (лесокомбинат), Е.И.Колесниковым (жировой комбинат), А.Т.Бриксом, М.Д.Жизневским (железнодорожный узел), Н.В.Пивоваровым (ПВРЗ), Н.Я.Завгородным (паспортный стол) и др. Центр направлял и координировал боевую деятельность этих групп, доводил до них решение и указания обкома и горкома партии», – написано в справке Гомельского горкома.

В декабре 1941 года через связную Любовь Сударикову Гомельский обком КП(б)Б поручил группе Бородина во что бы то ни стало уничтожить электростанцию, которая обеспечивала энергией многие военные объекты в городе. Предыдущая попытка ее взорвать группой Василия Попова закончилась казнью подпольщиков. Небольшие разрушения немцы очень быстро ликвидировали, усилили охрану, установили жесткий пропускной режим. Для этих целей привлекли специальную роту 221-й дивизии.

При содействии дяди Шилов устроился на электростанцию мотористом турбинного цеха. Бородин разработал тщательный план, как вывести из строя важный для врага объект. Обсудить его подпольщики собрались 8 мая 1942 года в доме № 14 на улице Комиссарова. Но по доносу предателей Шилов, Бородин и другие были схвачены немцами и заточены

Заведующий отделом Национального архива Маргарита Старостенко знакомит с бесценным экспонатом

в тюрьму СД. По городу прокатилась волна арестов. Если верить донесению абверкоманды группы армий «Центр» из Смоленска, одновременно задержали 63 подпольщика.

«Оккупанты боялись Бородина и Шилова даже мертвых».

Эта цифра могла оказаться гораздо выше, если бы Бородин не выдержал пыток. На нем замыкалась буквально вся подпольная сеть. Тимофей знал имена, адреса, пароли, явки. Вероятно, располагал информацией о месте расположения партизанского лагеря в чечерских лесах. Но он молчал и тем самым смог уберечь от неминуемой смерти боевых товарищей и дело, ради которого они рисковали собственной жизнью. Тимофеенко, Гапеев, Пупынин в тот раз смогли уйти от преследования и продолжили борьбу. В секретном донесении железнодорожной дирекции Минска в генеральную железнодорожную дирекцию в Варшаве 20 июня 1942 года, день казни Бородина и Шилова, говорится: «Поезда, следующие в сторону фронта, вынуждены в Гомеле задерживаться в среднем на

40–50 часов, и почти 50 % паровозов возвращается обратно, не доходя до станции назначения».

Сохранились две записки, которые Шилов передал родным из фашистских застенков. Одна датирована 9 мая, следующим днем после ареста: «Сегодня было первое следствие, а в понедельник, 11 мая, будет второе, где будут бить и пытаться. Я боюсь, как бы из-за этого пустяка не пострадали и Вы». Вторая, написанная за день до расстрела, содержит загадочную фразу: «Вчера наши ребята передали, что вы были вдвоём, я очень рад, что вы поговорили с людьми, сидящими со мной в одной камере».

Тимофей Бородин свое единственное письмо родителям и сестрам написал за час до казни на окровавленном носовом платке:

«Родные

В последний час пишу Вам. Видно моя такая судьба чтобы умереть от пули

Мама, папа, Валя, Тоня, Лида, Нин(юш)а, Женя, Володя, Аркадий, Саша если я был к кому несправедлив простите меня. Дорогие, берегите себя, не обижайте друг друга Папа, берегите Тоню и Сашу. Привет в предсмертный час всем родным и знакомым 20-VI-42 г Бородин Тимофей Степ».

Мурал в гомельском микрорайоне Мельников Луг

Через уборщицу Матрену Коваленко это письмо оказалось то ли у родных, то ли у партизан. Но, к счастью, не потерялось в круговерти событий и дошло до современников как свидетельство невероятной стойкости и мужества человека, для которого Родина, семья и боевые товарищи были превыше всего, даже собственной жизни.

Расстреляли Тимофея Бородина и Ивана Шилова 20 июня 1942 года в Лещинце – пригороде Гомеля, вместе с ними и девчат – партизанских связных.

– Немцы катком сровняли могилу с землей, чтобы ее невозможно было найти. Оккупанты боялись Бородина и Шилова даже мертвых, – свидетельствует Ростислав Романович Тимофеенко. – Я навещал Марию Александровну Бородину после войны. Больше всего она сокрушалась, что не может поклониться могиле сына. Сколько ни ходила в Лещинец, никаких следов так и не обнаружила.

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом подпольщик Михаил Бетанов вместо траурного флага, установленного немцами над гомельской электростанцией, водрузил алое знамя с побед-

ным «Да здравствует Красная Армия!». Он заплатил за это жизнью, но можно только представить, как воодушевил людей этот героический поступок, в скольких сердцах он зажег надежду и веру в Победу. Ради нее Тимофей Бородин и многие участники гомельского подполья пожертвовали собой, не дожив до 26 ноября 1943 года, когда Гомель освободили от фашистских захватчиков.

Вместо послесловия

Единственное письмо Тимофея Бородина из фашистской тюрьмы на окровавленном носовом платке долгое время хранилось в Гомельском краеведческом музее. Потом загадочным образом бесследно исчезло.

– Семь лет назад к нам из Гомеля приезжал очень пожилой человек, представившийся братом Тимофея Бородина, – рассказывает заведующий отделом использования документов и информации Национального архива Маргарита Старостенко. – Оказалось, это и вправду был его брат Владимир, который, к сожалению, умер. Он искал любые документы, проливающие свет на судьбу героического подпольщика. Мы подняли хранящиеся у нас материалы. Среди них обнаружилась обычная бумажная папка. Открыли ее и обомлели: к простой картонке пришит... тот самый платок. Как он к нам попал? Гомельских подпольщиков ведь до начала 1970-х годов не признавали. По поручению ЦК КПБ массово опрашивали свидетелей, пытаясь выяснить правду, и в том, что она наконец восторжествовала, этот платок явно сыграл свою роль.

Сегодня он один из экспонатов документальной выставки «Партизаны, партизаны, беларускія сыны...» в Национальном архиве Беларуси. Одно из немногих свидетельств яркой героической и одновременно трагичной жизни гомельского подпольщика Тимофея Бородина.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото Сергея ХОЛОДИЛИНА,

Татьяны МАТУСЕВИЧ, из открытых источников

■ Проект создан за счет средств целевого сбора на производство национального контента